

Даниц разинул рот, бессознательно проговорив на интисском:

- Гостиница.

Посмотрел на тёмную кожу водителя кареты, его грубые растрёпанные чёрные волосы, довольно мягкие черты лица, ничего не выражающего, и сам воздух, словно вмиг, застыл. Даниц беззвучно выдохнул и, кляня свою неудачливость, сам потащил свои пожитки, поплёлся по улице пешком.

- Вот дерьмо собачье! Мне, оказывается, повстречался водитель, который не знает интисского! Разве тот, кто забирает пассажиров у гавани, не должен знать несколько северноконтинентальных языков? Здесь повсюду столько выходцев из Интиса, Лозна и Фейсака! - ворча, Даниц высматривал прямо по курсу среди пешеходов тех, кто на вид был уроженцем Северного континента или потомком таковых и мог бы облегчить процесс заселения в гостиницу и утоления голода.

Насколько Даниц знал, в гавани Беренс бывало немало переселенцев из Интиса, Лозна, Фейнапоттера и Фейсака. Стоило с кем-нибудь из них познакомиться, и общение здесь уже не будет составлять трудность.

Но Даницу чувствовалось, что всё это лишь при условии, если ему удастся не свалиться с тепловым ударом.

- Погода - собачье дерьмо! - Даниц поднял глаза к лазурному небу, белым облакам и солнцу, которое и не очень-то сильно припекало. Извергая с перекошенным лицом ругательства, поднял руку, стал вытирать пот со лба.

Хоть и ругался, но на самом деле знал, что климат на Южном континенте мог считаться умеренным настолько, что даже чуть прохладным назвать не было бы преувеличением. А так жарко Даницу было потому, что на нём была Солнечная Брошь. Однако, только что прибыв и ещё не выяснив, что к чему в этих местах, не решался снять брошь и упрятать в сумку с багажом. Случись Даницу потерять этот важный предмет, можно себе представить ледяной обезумевший взгляд Германа Воробья.

- Ну дайте, дайте же мне хоть сколько-нибудь человек с Северного континента. Жители любой страны сойдут. Я же всё-таки, как-никак, знаменитый пират и говорю на нескольких языках... - Всё бормотал Даниц себе под нос, а в это время только и мог думать, что о ледяном пиве да безмятежных плавучих айсбергах в океане.

Бормоча, он вдруг стал протирать глаза.

Увидел, наконец, человека явно северноконтинентального происхождения!

Да к тому же этот человек ему был как будто знакомым!

Впереди Даница, наискосок, на ярко освещённой солнцем улице, молодой человек с коротко постриженными светлыми волосами, разделёнными на резкий косой пробор, стоял, опершись на стену и играл на серебрястой губной гармошке.

Глаза его были изумрудно-зеленые. На нём была белая рубаша с расстёгнутыми двумя верхними пуговицами, чёрный жилет, весь нараспашку, тёмные брюки и на одной руке чёрная перчатка. То был никто иной, как Сильнейший Охотник Туманного Моря Андерсон Гуд!

– Что за совпадение? Этот парень и вправду приехал в Западный Балам... – Обрадовался в глубине души Даниц, чувствуя, что, наконец, схватился за одинокое плавающее брёвнышко в людском море. И словно позабыв, что делал Андерсон на Золотой Грёзе, подошёл к нему и поприветствовал, как заведено было у охотников.

– Что случилось? Охота за сокровищами тебя не кормит, поэтому тебе пришлось давать представления на улицах?

Даниц заметил, что перед Андерсоном лежала перевёрнутая шляпа, а в ней – штук двадцать или тридцать жёлто-медных монет. Среди них было немного интисских коппетов, а все остальные – местные делекси.

На интисском "делекси" означало "медные монеты".

Андерсон перестал играть, бросил взгляд на Даница.

– Это не моя шляпа. Я тут мимо проходил, смотрю, шляпа на дороге лежит, а никого не видно, ну, я как-то замечтался, достал гармошку, стал играть. И что удивительно, столько народу собралось слушать, деньги в шляпу кидали...

Такой, как ты, пират, мужлан неотёсанный, и не понимает, наверное, красоты музыки, её безграничности. А я тебе скажу, что твой капитан особенно любит...

– Перестань! – у Даница, не дающего Андерсону свернуть разговор на другую тему, забила жила на лбу. – Почему ты здесь?

Андерсон, держа в руке гармошку, на это всерьёз задумался.

– Это хороший вопрос. Сам не имею понятия, почему я в Западном Баламе. Я не помню ровным счётом ничего из того, что происходило в последние два месяца.

Даниц было хотел осадить его, но искренне серьёзное выражение на лице Андерсона убедило Даница. И тот поразмыслил и переспросил:

– Ты совсем ничего не помнишь?

Андерсон отложил серебряную гармошку, наклонился, поднял шляпу, где накопилось уже немало монет, и стряхнул с неё пыль.

– Последнее, что помню, это как мы с Германом Воробьем были в Баламе. После того, как мы разъехались каждый своей дорогой, я, очевидно, отправился куда-то кого-то встречать. А очнулся уже здесь, в Западном Баламе... Ха-ха, не бери в голову. Я ведь живой пока что. Ох, почти полдень уже. Пойдём, поедим. Слышал я, Беренс славится своими фирменными свиными ножками.

С этими словами Андерсон положил шляпу с монетами около какого-то бродяги, что сидел сбоку от него.

Уже умирающего от жары, голода и переутомления Даница это взбодрило.

– Ты знаешь дутанский?

Андерсон усмехнулся.

– Ты разве не слышал о моих многочисленных приключениях в бытность охотником за сокровищами в Западном Баламе?

– Верно. Я подумывал раньше тебя разыскать, чтобы вывести о Западном Баламе... Обстановка здесь хаотическая, и довольно опасно. Мне будет явно надёжнее с Андерсоном. А заодно у меня переводчик есть! Не могу сказать, что я его нанял, поскольку не могу себе его позволить... – Даниц понемногу заулыбался.

– Мне от этого легче. Пойдём.

Даниц с багажом и Андерсон кружным путём пришли к главной улице неподалёку, и нашли там ресторан.

Официант заговорил на родном языке, меню было полно нечитаемых строк на нём, и у Даница заболела голова, он поспешно проговорил Андерсону:

– Предоставляю это тебе.

С этими словами передал меню Сильнейшему Охотнику Туманного Моря.

Андерсон не протянул руки, чтобы взять меню, отвечал сдержанно, с достоинством:

- Я тоже это не могу прочитать.

-... А разве ты не говорил, что знаешь дутанский? - выпалил изумлённый Даниц.

Андерсон всплеснул руками.

- Не говорил я этого. Как мои частые поездки в Западный Балам в поисках сокровищ связаны со знанием дутанского?

- Не зная дутанского, как ты можешь понять те надписи в древних храмах и развалинах замков? Как ты отыскиваешь сокровища? - Даниц сам не замечал, как тараторил всё быстрее, и лицо его кривилось.

Андерсон взял чашку, принесённую официантом, залпом выпил.

- Трудности, которые можно разрешить с помощью словаря и не трудности вовсе. Да к тому же, разве незнание дутанского мешает общаться с жителями Южного континента?

После этих слов обратился к официанту. И на интисском сказал:

- Две фирменных свиных ножки.

Официант, разумеется, смотрел на него непонимающим взглядом и всё тыкал пальцем в меню.

Андерсон, ничтоже сумняшеся, неторопливо прикрыл правой рукой нос и изобразил хрюканье свиньи.

Официант было опешил, но потом его осенило. Тогда Андерсон показал на костяшки своих пальцев, затем на эмблему Беренса в меню, и, наконец, поднял два пальца.

- %\$#... - Отвечая на дутанском с характерным выговором, официант частыми кивками показывал, что понимает. Даниц, сидящий рядом, онемел от такого зрелища.

Объяснившись чередой жестов вперемешку с несколькими самыми простыми и общеупотребительными дутанскими словами, Андерсон, наконец, заказал обед. Повернулся к Даницу, улыбнулся.

- Понял? В этом мире есть единый язык – язык жестов!

Даниц, в оцепенении за всем этим наблюдавший, лишь приподнял уголки губ в ответ.

...

Из Западного округа выехала карета, на пересечении дорог повернула на юг. И вскоре подъехала к военной базе.

С письмом полковника Кэлвина в руке, в сопровождении младшего офицера, Клейн благополучно зашёл на базу и оказался у площади, с плотно утрамбованной почвой. Там было пришвартовано тёмно-синее с белым чудище.

Этот воздушный корабль был нескольких десятков метров в длину, и из его рей тянулись рамки из прочных и лёгких сплавов, пересекались меж собой, держа на себе прослойку из непроницаемой ткани. А ниже в отверстиях гнездились пулемёты, винтовочные гранатомёты и пушки.

В те мгновения паровой двигатель зажигания ещё не гудел, и управляемые им пропеллеры ещё были неподвижны. Всё представало в необычайной тишине и покое.

Клейн передал документы и удостоверение личности дежурному офицеру у трапа. Получив разрешение, поднялся, неся чемодан, на воздушное судно.

На нём было три отделения, как на обычном корабле. В верхнем располагались сложные механизмы и грузовой отсек. В среднем отделении – зал для фуршетов и балов. Зал окружали коридоры, ведущие на верхнее и нижнее отделения. Вдоль коридоров шли комнаты отдыха. А в нижнем отделении помещались пулемёты, винтовочные гранатомёты, пушки, а заодно и каюты солдат.

Пройдя мимо вооружённых винтовками охранников, последовав указаниям офицера, Клейн нашёл отведённую для него комнату отдыха. Положил багаж у кресла, больше похожего на диван.

Затем взял со стола стакан с водой, подошёл к окну и стал созерцать пейзаж.

Откровенно говоря, хоть Клейн и знал всего понемногу, но то было действительно не более чем понемногу. А потому и не понимал, как устроена эта новая модель воздушного корабля. Не знал, как тот передвигается, и насколько он надёжен в полёте.

От этого Клейну было как-то не по себе. Перед отправлением он даже погадал над серым туманом. И получил откровение, что прибудет к цели довольно гладко.

– Там, кажется, есть ремни безопасности. У индустрии воздушного кораблестроения в этом мире многолетняя история. Успели во всём накопить немалый опыт... – Клейн уже было собирался отвести взгляд и полюбоваться убранством комнаты в свете свечей, как вдруг заметил, что к Воздушному Кораблю приближается группа людей.

Тут были и мужчины, и женщины, и почти все в тонких чёрных кителях и красных перчатках, с кожаными чемоданчиками разных размеров. Лишь одна из этой компании была одета в мантию мистического медиума. Глаза этой дамы были накрашены голубым, щёки накуманы и то была никто иная, как Дэйли Симон.

А рядом с мадам Дэйли стоял черноволосый и зеленоглазый Леонард Митчелл.

Тот, пока никто не видел, замедлил шаг. Потом поднял взгляд к среднему отделению воздушного корабля.

В глаза Леонарду бросился голубоокий Дуэйн Дантес с седыми бакенбардами, в костюме и галстук-бабочке.

Джентльмен этот стоял у окна, сияя добродушной улыбкой, поднося ко рту бокал.